

Глава 17. Белена

Посреди ночи Юй Чуцю разбудил детский плач. Поднявшись, он в темноте вышел из спальни и, ориентируясь на звук, толкнул дверь в соседнюю гостевую комнату. Плач тут же усилился — надрывные, частые всхлипы окончательно прогнали остатки сна.

Чуцю нащупал огниво, зажёл свечу на столе и, прищурившись от неяркого света, увидел Сун Ли. Девочка сидела на кровати, закрыв лицо руками и задыхаясь от рыданий. Сун Цянь, разбуженный сестрой, тоже поднялся и теперь растерянно протирал глаза.

— Ну-ну, маленькая, не плачь, — Чуцю быстро подошёл к кровати и протянул руки.

Едва завидев его, Сун Ли бросилась к нему. Вцепившись пухлыми ручонками в его длинные, рассыпавшиеся по плечам волосы, она зашлась в душераздирающем крике:

— Мама! У-у-а-а... Я хочу к маме... Скорее вернись... У-у-у...

— Тише, тише, всё хорошо. Вот спадёт вода, и я сразу отвезу тебя к матушке, — Чуцю, привыкший к подобным ночным сценам, принялся баюкать девочку, поглаживая её по спине. Другой рукой он ласково коснулся головы Сун Цяня, знаком веля ему ложиться и спать дальше.

Сам же он, прикрыв ладонью рот Сун Ли, быстро спустился по лестнице, отпер тяжёлые ворота поместья и вышел наружу. Только там он убрал руку, позволяя девочке выплакаться в голос.

— Мама... Мамочка...

— Эх... Снова дурной сон приснился?

— Угу... — Сун Ли уткнулась в плечо Чуцю, так и не выпустив из кулачков его волосы. Слёзы текли ручьём, заливая ворот его одежды.

Не обращая на это внимания, Чуцю неспешно прохаживался перед воротами поместья. Одной рукой он поддерживал девочку, другой — мерно похлопывал её по спине, вполголоса напевая старинную колыбельную, какие поют в долинах к югу от Янцзы.

Подул ночной ветерок. В серебристом лунном свете полы белой нижней рубахи Чуцю мягко колыхались в такт шагам, и в этот миг он казался сошедшим с небес бессмертным, не знающим мирской суеты. А Сун Ли на его руках походила на маленькое божество, приносящее удачу, из свиты Лао-цзы.

Спустя какое-то время Чуцю почувствовал, что корни волос больше не тянет — девочка,

видимо, уснула. Он уже собирался вернуться в дом, как вдруг тишину снова прорезал плач:

— А-а-а! Не хочу! Хочу к сестрёнке! А-а-а!..

— Да тише ты, наказание господне! Что я тебе в прошлой жизни задолжал, раз ты мне посреди ночи спать не даёшь?! Я ещё замуж не вышла, а уже должна за мать впахивать! Что за доля такая грешная?!

Юй Чуцю поднял голову и увидел молодую женщину. Голос её был мелодичен, но тон — исполнен яда. Неуклюже прижимая к себе Сун Цяня, она выходила за ворота поместья. На ней была лишь белая полупрозрачная ночная рубаха.

— О, господин Юй? И вы здесь? А я-то думала, вы, мужики, дрыхнете как убитые и ничего не слышите, — Су Цзычуань кивнула на сонного мальчика. — Глядите, а вот и «пропавшая» сестра.

Поскольку Цзычуань была без привычных белил и румян, а свет стоял скудный, Чуцю не сразу её узнал. Лишь взглядевшись, он замер в изумлении, не в силах отвести глаз.

Без дневного слоя пудры и яркой помады перед ним предстало лицо чистое и ясное: точёный овал, тонкая переносица, нежные губы — истинная красота, которую она впервые явила его взору. Иссиня-чёрные волосы до колен рассыпались по спине, а стройная фигура угадывалась под тонкой тканью ночного платья. Широкие рукава сползли к локтям, обнажая белизну рук, которыми она неловко удерживала Сун Цяня.

В этот миг Чуцю вдруг осознал, как она прекрасна. И пусть она ворчала и сыпала проклятиями, движения её были исполнены невольной нежности. Чувствовалось, что она устала нести ребёнка: каждые пару шагов она останавливалась, чтобы перехватить ношу поудобнее, и закатывала глаза, глядя на Сун Цяня, но стоило ветру подуть сильнее, она тут же прикрывала мальчика широким рукавом.

На мгновение Чуцю показалось, что он видит то самое счастье, о котором всегда мечтал. Будто у него есть жена и дети. Пусть жена суетна и остра на язык, а дети капризны — но люди не бывают идеальными, а всё идеальное кажется фальшью. Так даже лучше...

Жить бы вот так в городке Фужун — спокойно и просто. Не ведать вражды, растить детей. Я бы учил грамоте, она бы ткала холсты. Дочь подрастала бы на моих глазах, и я бы не стремился выдать её за городского богача — пусть бы жила здесь же, в деревне, заходила бы в гости по праздникам. К сыну тоже требований немного: пусть умеет считать и писать, чтобы никто не обманул. На старости лет отложил бы денег, купил бы ему надел земли, женил бы на доброй девушке... А после ушёл бы из жизни тихо, в окружении близких.

"Этого было бы довольно."

Чуцю покачал головой и, глядя на Цзычуань, негромко рассмеялся:

— Красота первозданная, словно лотос, вышедший из чистых вод.

— Чего? — Цзычуань недоумённо посмотрела на него. — Господин, вы точно проснулись? Может, вы лунатик и бродите тут во сне?

—... — Юй Чуцю лишь вздохнул. Метать бисер перед свиньями — занятие неблагодарное.

— Ой! Там... там только что что-то шевельнулось!

Вдруг Цзычуань крепче прижала к себе спящего мальчика и отступила за спину Чуцю, во все глаза уставившись на тёмные заросли в огороде.

— Где? — Чуцю невольно вздрогнул. Почувствовав, как она ищет у него защиты, он храбро шагнул вперёд и всмотрелся в ту сторону, куда она указывала.

Ничего. Тьма стояла непроглядная. Единственное, что он смог заметить: вода в реке Юшуй сегодня заметно спала.

— Похоже, ничего там нет. Пойдём в дом, — Чуцю взял Цзычуань за руку, и они вернулись под кров поместья.

Едва ворота захлопнулись на засов...

Там, в огороде, из липкой грязи поднялись две головы, прикрытые листьями лотоса.

— Тьфу, тьфу! Грязи-то в рот набилось! Чёрт! Стоило податься в люди, как вся жизнь прахом. Торчу здесь в лохмотьях, глотаю пыль, а ради чего? Чтобы на каждое чихание начальства по собраниям бегать? Жрать какую-то баланду, маршировать по струнке, да ещё и налоги платить с тех грошей, что платят! Вот оно, наше доблестное общество!

— Командир, ну хватит уже ныть. Мне ещё хуже. Я только вчера с другого берега с потопа вернулся, подушки коснуться не успел, как меня сюда «человека искать» прислали. Думал, наступили мирные времена, служба в армии станет полегче, а оно вон как...

— Да замолчи ты уже! Заладил одно и то же! Лучше возвращайся и докладывай, а я здесь пока покараулю.

— Почему... почему именно я?! Вы небось задумали завалиться дрыхнуть, пока меня не будет? Хитро, ничего не скажешь!

— Что ты вякнул?! Щенок! Не забывайся, я старше тебя по званию! Не слышал поговорку: «Чин на одну ступень выше — и уже человека насмерть придавит»? Вали давай! А я... спать... а-а-х... хр-р... фью... хр-р-р...

Заснул.

Примечание: Тиду — военный чин эпохи Мин, высший военный руководитель провинции, сопоставимый с командующим военным округом.

На следующее утро, когда небо только начало светлеть, Су Цзыянь уже стоял во дворе поместья Юй с бамбуковой линейкой в руках. Рядом с ним, не переставая зевать, застыла Су Цзычуань.

Она была облачена в облегающий тренировочный костюм, в руках сжимала мягкий меч, а к запястьям были привязаны мешочки с песком. Цзычуань замерла в полуприседе, застыв в первой стойке начального комплекса меча.

Заметив сонную мину сестры, Цзыянь без тени жалости огрел её линейкой по предплечью. Поправляя её позу, он заговорил суровым тоном старшего брата:

— Стой ровно! Чтобы использовать других, нужно прежде самой научиться защищаться! Наш род Су испокон веков служил мечу! Отец десятилетиями охранял Гусиные Ворота, и на границах был мир. Кто же знал, что под старость его выживут завистники, лишат командования и сошлют сюда, в Цзяннань, на губернаторство. На словах — повышение, на деле — опала. Ты женщина, и я не должен был бы заставлять тебя махать оружием, однако...

— Однако, раз уж я дочь генерала, уметь за себя постоять — дело благое, верно? Братец, хе-хе...

Не дав ему договорить, Цзычуань подхватила его мысль и, лукаво сверкнув глазами, заулыбалась. Сонливость как рукой сняло, а движения стали точнее и собраннее.

Цзыянь кивнул, хотя голос его остался жёстким:

— Рад, что ты понимаешь. И не вздумай отлынивать. Я тебе не Ян Ихай, у которого в голове один Юй Чуцю, а на остальное плевать. Ты моя сестра, и характер твой я знаю как облупленный. Сейчас я уйду на пробежку, но если посмеешь лениться — я найду способ тебя проучить!

— О-о... — Цзычуань опасливо покосилась на брата и шумно сглотнула. По лбу скатилась холодная капля пота.

Цзыянь, видя, что предупреждение подействовало, со спокойной душой выбежал со двора.

Стоило ему скрыться, как силы покинули девушку. Руки опускались всё ниже, поясницу начало сводить, а в коленях появилась предательская дрожь. Мешочки с песком на запястьях казались теперь налитыми свинцом, весом в тысячу цзиней. Очень хотелось бросить всё и размяться, но стоило вспомнить угрозу брата...

"Ладно, ладно, потерплю. Брат редко грозит, но если скажет — пиши пропало. Лучше не дергать тигра за усы."

— Эх... — Цзычуань тяжело вздохнула.

От долгого неподвижного стояния тело онемело. Чтобы хоть как-то отвлечься, она принялась рассматривать двор и ворота. Вдруг её взгляд замер на распахнутых створках: она с изумлением увидела человеческую голову, которая, подобно вору, осторожно высунулась из-за косяка, высматривая что-то внутри.

Как только Цзычуань посмотрела в ту сторону, голова тут же скрылась.

"..." — Цзычуань зажмурилась и помотала головой. Неужели от усталости начались галлюцинации? Или призраки разгулялись среди бела дня?

Когда она снова открыла глаза и впиалась взглядом в край ворот...

Раз, два, три!

Голова медленно высунулась снова.

— Кто здесь?!

На этот раз она не ошиблась. Цзычуань рванулась к воротам, но затекшие ноги подвели — она споткнулась и растянулась на земле, а мягкий меч отлетел на добрых два сажня.

— Ой-ой-ой... — простонала она, с трудом поднимаясь и потирая ушибленный локоть. Она схватила меч и снова бросилась к выходу, но тут сверху раздался тонкий детский голосок Сун Цяня:

— Сестрица Су, а что ты делаешь?

Цзычуань замерла и обернулась. На галерее второго этажа стояли Сун Цянь и Сун Ли — растрёпанные, в красных напузниках и коротких штанишках. На шеях у них звенели

бубенчиками нефритовые цилиндры. Вид у детей был заспанный и сонный.

Цзычуань, уже подбегая к порогу, крикнула им через плечо:

— Стойте там, не спускайтесь! Сестрица вора ловит!

Едва она оказалась у ворот, как из-за стены прямо перед ней вынырнул человек. От неожиданности оба вскрикнули.

— А-а-а-а!! — Цзычуань замахнулась мечом.

— А-а-а-а!! — заорал незнакомец.

— Ты кто такой?! Что вынюхиваешь у моих ворот, морда воровская? — Цзычуань грозно преградила ему путь, яростно оглядывая пришельца.

Перед ней стоял мужчина.

Молодой мужчина.

Хотя разглядеть его лицо было непросто.

Длинные волосы, небрежно заколотые шпилькой, рассыпались по плечам. На глазах — круглые тёмные очки, в руках — старый, выдавший виды эрху, а одежда вся в засохшей грязи. Ноги босые, штанины закатаны выше колен.

"Вылитый нищий," — пронеслось в голове у Цзычуань.

<http://bllate.org/book/17540/1706653>